

ББК 60.542.2

О. В. Климашевская, А. В. Крутов

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ

В современной политической науке и практике все чаще стал употребляться термин «гендерная политика». Его можно найти у С. Г. Айвазовой, О. А. Ворониной, Т. А. Мельниковой, И. Н. Тартаковской, А. Н. Темкиной, О. А. Хасбулатовой, Н. А. Шведовой и других. Более того, в программы повышения квалификации управленческих кадров, преподавателей и учителей вводятся курсы по изучению не только основ гендерных знаний, методов гендерного подхода в управлении образовательными процессами, но и гендерной политики.

В последнее десятилетие понятие «гендер» стало активнее применяться при изучении политических явлений и уже используется как критерий для выделения политической субкультуры; как фактор, определяющий политическое участие и поведение; как ценз для получения избирательных прав; как условие для рекрутирования политических элит; как переменная в ряду религиозных, национальных, экономических, социальных факторов [6, с. 159; 16, с. 149; 18, с. 39; 21, с. 413]. Но все-таки большинство авторов учебной литературы по политологии [9, 19, 20, 22, 26] этой темы не касаются, в случае же необходимости обращения к гендерной проблематике прибегают к расплывчатым характеристикам: половозрастные и демографические различия; неравенство, порожденное половыми различиями; стереотип поведения, обусловленный полом.

Как целостная категория политического анализа «гендерная политика» еще не нашла однозначного определения. Разное понимание данного термина подтверждается разной смысловой нагрузкой, которой наделяют его исследователи. Такое положение дел вызывает необходимость анализа понятия «гендерная политика государства».

Слово «гендер» заимствовал из грамматики и ввел в обществоведческие науки эндокринолог Дж. Мани в 1995 г. для «объяснения видимых различий личностных и поведенческих характеристик мужчин и женщин» (см.: [14, с. 43]). Распространено в соответствующей литературе [2, с. 36—39; 3, с. 18; 11, с. 55; 12, с. 13; 34, с. 18—19; 35, с. 13; 37, с. 31; 38, с. 6—7] и понимание гендера, принадлежащее Э. Оукли. «Пол» (sex) является словом, которое соотнесено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной: видимая разница в гениталиях, соответствующая разница в воспроизводящей функции. «Гендер» (gender) является предметом социокультурного исследования, поскольку он соотнесен с биосоциальной классификацией на «маскулинное» и «фемининное» постоянство пола. Такое понимание гендера не заменяет понятия биологического пола, но последний рассматривается как его сущностно необходимая характеристика.

Некоторые исследователи (В. Пламвуд, Э. Ф. Келлер) теоретически обосновывали необходимость деления на биологический пол и гендер, другие (М. Гейтенс, Э. Маккоби, Э. Гросс) настаивали на исключении такого деления. Ученые, использующие понятие «гендер» как нетождественное биологическому полу человека, аргументируют это тем, что биологический пол присущ человеку еще до рождения, гендер же — это весь

поведенческий комплекс, характерный для мужчин и женщин. Он может меняться в ходе исторического развития общества [25, 31, 36].

Часто термин «гендер» применяется для обозначения «социального пола», т. е. социально детерминированных ролей, идентичностей и сфер деятельности мужчин и женщин, зависящих не только от биологических половых различий, но еще и от социальной организации общества. Похожим смыслом наделял данное понятие П. Бурдьё. Он понимает гендер как «социальную особенность пола человека в отличие от биологического пола (sex), социально-ролевой статус, который определяет социальные возможности человека — мужчины и женщины — во всех сферах жизнедеятельности» [5, с. 23]. Гендер можно рассматривать как принадлежность к классу, группе, категории, что соответствует одному из значений слова «род» в русском языке.

Обобщая, скажем, что гендер — это социальная модель мужчины и социальная модель женщины, посредством которых рассматривается положение в обществе обоих полов в равной степени и не делается акцент на каком-то одном.

Наличие научного термина «гендерная политика» еще не значит, что он отражает существующую объективную реальность, когда гендерные процессы стабильно проявляются в той степени, что могут инициировать создание выделенного направления государственной политики. В определенной мере подобные проблемы уже решаются социально-трудовым, кадровым, региональным, семейным, демографическим и другими направлениями работы государства.

Политика не представляет собой вещественной субстанции, не создает ничего материального, результатом ее является новый общественный порядок, система отношений между людьми. Политику можно рассматривать как деятельность по достижению общественно значимых целей, включающую принятие решений и осуществление действий.

Наличие политического (см.: [15]) означает, по выражению Э. Фольрата, амбивалентную модальность определенного вида и способа для действий, институтов, событий, личностей происходить и совершаться. Он называет три критерия политического: общность, публичность и свободу. Политическое в гендерных процессах должно быть обусловлено, по К. Шмитту, высокой степенью ассоциации или диссоциации и готовностью группы отстаивать свои интересы вплоть до войны. Гендерные проблемы могут стать политическими, если они достигнут уровня основных политических узлов эпохи, как это было с религиозными проблемами в Средневековье, экономическими — в Новое время. Согласно Х. Буххайму, политическое представляет собой совокупность совместно выступающих социальных групп или институтов, чье объединение определяется меняющейся диспозицией — соотношением социальных ролей и намерений в обществе. Политический союз — это объединение, способное реагировать на изменяющуюся ситуацию; но гендерная диспозиция пока еще не формирует политического союза. Для У. Бека политическое означает творческую, самотворящую политику, которая не культивирует и не воспроизводит старое противостояние, извлекая из него средства власти, а выковывает и различает новые содержания, формы и коалиции; в этом контексте гендер пока еще не стал источником нового содержания, форм, коалиций. По Т. Майеру, политическое есть непрерывный цикл, в котором жизненный центр гражданской добродетели производит общественную практику свободы; и в этом понимании еще рано говорить об общественной практике свободы, вызванной гендерными процессами.

Неверно и утверждение, что гендерной политики нет. В ней, как и в политике вообще, воплощается идея аристотелевской телеологии: сущность обнаруживается в точке наивысшего развития объекта, она в достаточной степени скрыта и постепенно

проявляется по мере движения к этой точке. Пока же мы находимся в начале этого пути: гендерная политика еще не проявила сущности, требующей серьезного вмешательства государства; гендерные процессы не всколыхнули общество, влияя на общность, публичность, свободу.

Цель гендерной политики — достижение фактического гендерного равенства. Оно означает, что все люди обладают свободой выбора и свободой для развития своих личных способностей без ограничений, которые накладываются на них стереотипами и традиционной *гендерной системой* [24, с. 2]. И. Хирдман [30, с. 38] рассматривает гендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающую представления, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе. На главенствующих принципах гендерной системы строится распределение обязанностей, трудовой нагрузки, дохода, доступа к экономическим и интеллектуальным ресурсам и к принятию политических решений.

Зачастую ученые, политики и феминисты не видят разницы между гендерной и женской политикой, по-разному понимают суть гендерного равенства, гендерных ролей. Представляется, что существуют три основные точки зрения.

О. А. Хасбулатова [29, с. 3] предлагает **комплексное измерение гендерной политики**, под которой она понимает политику, затрагивающую интересы, потребности мужчин и женщин, носящие конкретно-исторический характер. (Данное определение представляется наиболее совершенным по содержанию, т. к. говорить абстрактно о гендерном равенстве бесперспективно и малорезультативно.) Содержание и результативность гендерной политики обуславливают следующие факторы: *идеологический*, отражающий высокий уровень понимания сущности гендерных вопросов и господствующую систему взглядов на роль мужчины и женщины в обществе; *социально-экономический* — как степень социально-экономического развития общества; *институциональный*, характеризующий политический режим и уровень развития демократии; *ситуационный*, демонстрирующий позицию и инициативу субъектов политики — властных государственных структур, политических партий, общественных движений, населения. В качестве определяющего элемента гендерной политики исследовательница выделяет *тип социальной политики*, характер взаимоотношений между государством и семьей, демонстрирующих социальное партнерство, протекционизм или невмешательство, и позицию институтов гражданского общества (политических партий, общественных движений и женских организаций) [29, с. 4—5].

Если О. А. Хасбулатова разграничивает такие понятия, как «женская государственная политика» и «гендерная политика государства», то некоторые авторы зачастую отождествляют их, рассматривая проблемы гендерного равенства. В частности, такая попытка наблюдается у С. М. Шакировой, которая предлагает типологию гендерных политик, взяв за основу различия только один, на ее взгляд ключевой, аспект: в какой мере политика учитывает роль *женщин* в политическом, экономическом и социальном развитии [34, с. 2]. Очевидно, что в качестве объекта автором рассматривается ограниченная часть общества, непосредственно женщины, не учитывается мужской фактор, даже в случаях, когда ставится цель выравнять статусные позиции обоих полов. И. Р. Чикалова также односторонне подходит к рассмотрению гендерной политики, учитывая проблему дискриминации только одного женского пола. Ею рассматриваются исключительно вопросы политического участия и представительства женщин, а также политика женских движений [32, с. 16—17]. Не давая конкретного определения термину «гендерная политика», она подразумевает под ним пути и динамику вхождения женщин в общегосударственные и местные законодательные органы, оценивает факторы и барьеры,

препятствующие продвижению женщин в политику, анализирует взаимосвязь между организацией избирательной системы и электоральными шансами женщин, а также масштабы активности женских организаций.

О. А. Хасбулатова, напротив, помимо анализа гендерной политики ввела и проанализировала понятие «женская государственная политика», обозначив основные отличия между ними. Во-первых, объектом женской политики являются женщины как дискриминируемая часть населения, а объектом гендерной политики — общество в целом. Во-вторых, субъектами женской политики выступают органы *социальной* службы, работающие в сфере поддержки женщин, семьи, детей; субъектом гендерной политики являются органы разных структур *государственной* службы. В-третьих, женская политика носит конкретный характер и направлена на решение практических задач, гендерная политика является фундаментальной стратегией, ее осуществление требует более длительного времени. В-четвертых, органы, занимающиеся проблемами улучшения положения женщин, сосредоточены, как правило, в одном или нескольких министерствах; в ходе реализации гендерной политики необходимо создать специальные структуры в каждом министерстве с тем, чтобы анализировать влияние принимаемых решений на достижение равенства полов.

Подход О. А. Хасбулатовой, который лежит в основе осуществления гендерной политики, находит свое место во всех политических и социальных областях жизни и касается интересов как женщин, так и мужчин. Другая позиция будет неправильной. В подтверждение можно привести работу А. А. Тёмкиной [28], исследовавшей факторы препятствия продвижению женщины в политику, начиная с семейно-бытовых и заканчивая социально-политическими. В политической сфере, по ее мнению, в наибольшей степени проявляется дискриминация в отношении женщин (исследовательница проанализировала итоги парламентских и президентских выборов). При этом она не учитывала факты дискриминации в отношении мужской части населения.

Если посмотреть в корень проблемы *гендерного равенства*, которая затрагивает вопросы реализации равных прав и равных возможностей обоих полов в одинаковой степени, то абстрагироваться от фактов дискриминации в отношении мужской части населения некорректно, тем более что в практике Российского государства они существуют. Анализ гендерной политики в отношении проблемы равенства с женской точки зрения будет неполным и субъективным. Например, ст. 20 Конституции России гарантирует каждому гражданину страны право на жизнь, а п. 3 ст. 56 утверждает, что права и свободы, предусмотренные ст. 20, не подлежат ограничению. Однако государство имеет право в любой момент распорядиться жизнью мужчины по своему усмотрению, вплоть до ее лишения. Речь идет прежде всего о принудительном наборе в армию или беспрепятственном направлении мужчин в места, представляющие непосредственную угрозу их жизни («горячие точки» — места вооруженных конфликтов разной интенсивности). Государство обладает таким правом, исходя из следующих строк воинского устава: «Военнослужащий обязан: быть верным Военной присяге, беззаветно служить своему народу, мужественно, умело, не щадя своей крови и самой жизни, защищать Российскую Федерацию, выполнять воинский долг, стойко переносить трудности военной службы» [7, с. 13]. Очевидно, что никакой командир не посмеет требовать исполнения этого положения от военнослужащих-женщин.

Таким образом, государственная гендерная политика должна быть направлена не на улучшение положения женщин, а на фактическое достижение гендерного равенства с учетом интересов и возможностей обоих полов в равной степени.

«Трудовое» измерение гендерной политики, концентрируясь на социально-экономических аспектах изучения, предлагает Т. Ю. Журженко, исходя из разделения

труда между полами, регулирования участия женщин в сфере общественного производства и социального воспроизводства. Гендерную политику она понимает как «комплекс условий, создаваемых в обществе действием или бездействием государства и его органов, в которых женщины вынуждены принимать решения, касающиеся создания семьи, рождения ребенка, получения образования, выбора формы занятости, совмещения домашних обязанностей и оплачиваемого труда» [13, с.12]. В данном случае исследовательница придерживается трактовки понятия в широком понимании, предложенной еще С. Уолби: гендерная политика имеет воздействие на разделение труда между полами посредством навязывания таких социальных условий, в которых мужчины и женщины вынуждены принимать соответствующие «гендерные» роли. По трактовке Т. Ю. Журженко, гендерная политика регламентирует разделение труда в обществе, где мужчины и женщины, принимая «гендерные» решения, должны учитывать обстоятельства и условия, созданные государственными структурами и органами власти.

Антрополог Г. Рубин и социолог Дж. Хубер пришли к похожим выводам на основе анализа гендерной стратификации общества [25, 31]. Во-первых, в экономической деятельности человека присутствует гендерное разделение труда, гендерные отношения зависят от участия полов в производстве и воспроизводстве. По их мнению, женщины включены в три вида деятельности: производственную, воспроизводственную (репродуктивную), а также деятельность по поддержанию социальной интеграции в рамках локального сообщества или социальной группы; мужчины, как правило, включены в производственную и интеграционную деятельность. При этом оплачиваемый труд производственной сферы признается в обществе более значимым и дает возможность контроля над перераспределением ресурсов, что, в свою очередь, обеспечивает гендерную иерархию (стратификацию) в пользу мужской части населения. Социальное воспроизводство традиционно входит в круг женских видов деятельности как прерванная занятость, неполный рабочий день, низкооплачиваемая работа, что способствует гендерному неравенству. Следовательно, в содержание гендерной политики входит государственная политика, имеющая возможность изменять гендерные модели занятости и воспроизводственной деятельности, включая государство в эти отношения. Во-вторых, исследователи, ссылаясь на С. Гала и Г. Клигмена [10], обосновали, что государство конструирует гендерную стратификацию в обществе посредством влияния гендерной политики на домашнее разделение труда, доступ к наемному труду мужчин и женщин, уровни его вознаграждения и защиты, доступ к социальным пособиям.

В отдельных сферах общественной жизни имеется гендерная иерархия. Так, в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства установлены разные нормы выработки для мужчин и женщин; в спорте жестко разграничено мужское и женское участие в соревнованиях, нарушение этого «неравенства» приводит к серьезным моральным и юридическим последствиям.

Таким образом, в область компетенции гендерной политики помимо достижения соответствующего равенства во всех сферах жизнедеятельности должно быть включено создание, регулирование и контролирование основ гендерной иерархии в обществе.

Социально-ролевое измерение гендерной политики провела С. Г. Айвазова [1]. В личностном плане (на микроуровне), по ее мнению, существует психологический дискомфорт, что в конечном итоге приводит к появлению неопределенности жизненных ориентиров, особенно у женщин. На уровне общества и государства (на макроуровне) у женщин возникает конфликт *внутриличностных* ролей, вследствие чего неизбежна низкая мотивация к гражданской активности, а также неустойчивость и даже иллюзорность представлений о существовании настоящих демократических институтов. *Гендерная политика* государства должна быть направлена на устранение конфликтов ролей на

макро- и микроуровнях власти, на ликвидацию противоречий между традиционализмом и признаками вполне современных подходов к решению проблемы гендерного равенства. Под *современным решением проблемы гендерного равенства* С. Г. Айвазова подразумевает принятие ряда важных законодательных мер, которые были разработаны в соответствии с лучшими мировыми стандартами. В рамках гендерной политики в Конституцию РФ были включены нормы гендерного равноправия, в 90-х гг. появился ряд правовых документов, касающихся государственной политики в отношении женщин, а также разработаны два Национальных плана по улучшению положения женщин (первый рассчитан на 1996—2001 гг., второй — на 2001—2005 гг.). Однако в процессе непосредственной реализации намеченных планов проявился *традиционализм* государственной власти. Практически все принятые правовые документы имели сугубо декларативный характер: они не предусматривали ни финансовых, ни организационных ресурсов. Показателен тот факт, что из государственного бюджета не финансировались ни первый, ни второй Национальный план по улучшению положения женщин.

Иногда в понятие гендерной политики вкладывается сугубо политически-ролевой аспект, при этом в качестве приоритетного направления выделяется лишь достижение гендерного равенства в политической сфере [4].

Похожий смысл подразумевает И. Н. Тартаковская. Для нее гендерная политика интерпретируется как «система волеизъявлений обоих полов — женщин и мужчин — в гражданском обществе как равных в правах и возможностях, которые законодательно закреплены и реально обеспечены в осознании политико-правовых принципов, действиях, строительстве общественных и государственных структур с учетом гендерных интересов и потребностей» [27, с. 50]. Целью гендерной политики выступает партнерство мужчин и женщин именно в политической сфере, что, в свою очередь, является источником более полной и представительной демократии, в результате которой создаются реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе. И. Н. Тартаковская ссылается на Европейское Сообщество, которое трактует гендерную политику как важную составную часть демократии, поэтому достижение гендерного равенства в политике является одной из приоритетных задач ЕС. Гендерная политика состоит в достижении паритетной демократии, обеспечивающей равный доступ к власти и управлению, одинаковое участие в принятии решений мужчин и женщин. В качестве субъектов гендерной политики автором обозначены не структуры и органы государственной власти, а социальные группы и их участники, имеющие равные возможности продвигать свои интересы в процессе принятия важных политических решений. Подобное отождествление инициаторов политики с группами вызвано отождествлением таких понятий, как «гендерная политика» и «гендерная демократия», принципы осуществления которых, а также цели и задачи, по мнению И. Н. Тартаковской, должны полностью совпадать.

Следует отметить попытки смешать гендерную политику с близкими явлениями. Некоторые ученые абсолютизируют ее важную составляющую (гендерное равенство). Так, О. А. Воронина вкладывает одинаковую смысловую нагрузку в такие понятия, как «политика по улучшению положения женщин» и «политика гендерного равенства». (Она указывает на «чрезвычайно важную позитивную роль» «эффективной государственной политики по улучшению положения женщин, *или* гендерному равенству в любой стране» [8, с. 11].) Ее позиция может объясняться ссылкой на официальный документ — «Пекинскую декларацию», где понятие «равноправие женщин с мужчинами» понимается как «подтягивание» [17, с. 56] женщин до мужского статуса. Кроме того, проанализировав некоторые области общественной жизни, исследовательница делает вывод, что на практике существует неравное распределение обязанностей, трудовой нагрузки, дохода, доступа к экономическим и интеллектуальным ресурсам и к принятию политических решений; в

большей степени дискриминация касается женской части населения. Выше уже было отмечено, что абсолютное равенство социально-биологически невозможно и ненужно для самого общества. Следовательно, приоритетным направлением гендерной политики государства должно быть устранение дискриминации в отношении женщин и в конечном итоге создание *баланса гендерных отношений* в обществе.

Подтверждением этому являются положения «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» ООН. Международный документ квалифицирует понятие дискриминации так: различие положения мужчин и женщин становится настолько важным, что выступает причиной нарушения прав. В Конвенции отмечается, что в рамках гендерной политики «принятие государствами... временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов; эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения» [23, с. 7]. Конвенция допускает принятие государствами-участниками специальных мер в виде «позитивной» дискриминации или квотирования, направленных на улучшение положения женщин, и не считает их дискриминационными по отношению к мужчинам.

Гендерная политика государства должна закладывать во всех сферах такие нормы и стандарты, рамки и направления развития, ограничения и свободы, которые позволят сформировать новые общественные отношения, в максимальной степени обеспечивающие гендерное равенство. Ему препятствуют стереотипы и система конкретно-исторических отношений, представлений, правил, принятых в данном обществе в условиях определенного способа производства. Фактическое гендерное равенство может быть связано и с некоторым юридическим, социальным или психологическим неравенством. Например, такая ситуация может возникнуть, если встанет политическая задача выравнивания численности мужчин и женщин репродуктивного возраста для разрешения гендерного конфликта. Гендерное равенство неизбежно приводит к гендерной иерархии, что должно изменить общественную значимость, степень вознаграждения, уровень престижа некоторых профессий и занятий. Так, воспитание и обучение чужих детей в детском саду, школе пока оценивается государством как оплачиваемая и общественно полезная работа, а домашнее воспитание своих детей как частное дело, финансируемое семейным бюджетом. В конечном итоге гендерная политика должна привести к балансу гендерных отношений в обществе. При этом женская политика государства будет являться составной частью гендерной политики.

В связи с этим можно сделать вывод, что, как бы по-разному ни трактовалось понятие «гендерная политика», описывается она вышепредставленными исследователями в широком смысле, а именно как деятельность органов государственной власти, направленная на достижение гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества.

Выяснилось, что в круг вопросов гендерной политики входят основные субъекты гендерной политики, их позиции, политическое участие женщин и мужчин через политическое представительство и через участие в рамках гражданского общества.

Один из итогов проведенного анализа состоит в том, что большинство исследователей ассоциируют гендерную политику с государственной деятельностью, объектом которой в основном выступают женщины. Чаще всего ссылаются на женский опыт и соответствующие примеры, что в конечном итоге приводит к обнаружению дискриминации только по отношению к представительницам слабого пола.

Объяснением также может стать выявление разного понимания категорий «женская» и «гендерная» политика. На наш взгляд, стратегия первой призвана не заменять, а дополнять традиционную гендерную политику государства, затрагивая интересы женщин как специфической социально-демографической группы населения. Оба подхода могут существовать параллельно, пока в обществе не начнет складываться благоприятное общественное мнение в отношении равенства полов.

Таким образом, государственная гендерная политика — это последовательная система мер, направленных на создание, развитие, поддержание и защиту равноправия мужчин и женщин, призванная выражаться в конкретных результатах.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендер и российская политика: конфликт микро- и макроуровней власти // Гендер. исслед. 2004. № 10. С. 87—98.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 480 с.
3. Антология гендерной теории / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. 384 с.
4. Безбородов А. А., Позднякова И. Р. Право женщин быть избранными в Государственную думу России // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 4. С. 11—34.
5. Бурдые П. Мужское господство. Социальное пространство. Поля и практики. М. ; СПб. : Алетей, 2005. 300 с.
6. Василик М. А., Вершинин М. С. Политология : элементарный курс. М. : Гардарика, 2003. 270 с.
7. Военно-медицинский журнал. 2008. № 3.
8. Воронина О. А. Государственные механизмы обеспечения гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире. М. : Макс Пресс, 2008. С. 11—26.
9. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2000. 256 с.
10. Гал С., Клизмен Г. Формы государств, формы «семьи» // Семейные узы : модели для сборки : сб. ст. / под ред. И. С. Кона. М. : НЛЮ, 2004. С. 226—267.
11. Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ЕГУ, 2002. 114 с.
12. Женская солидарность : пособие для мужчин и женщин / под ред. Е. Гаповой, Н. Кулинки. Минск : ПроPILEI, 2002. 168 с.
13. Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков : Фолио, 2001. 166 с.
14. Клиническая психология : учеб. / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб. : Питер, 2002. 496 с.
15. Костюк К. Н. Понятие политического в истории мысли и современной науке // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 58—71.
16. Кривогуз И. М. Политология. М. : Владос, 2001. 288 с.
17. Пекинская декларация и Платформа действий и Пекин + 5 : политическая декларация и итоговый документ / ООН, Департамент общественной информации. Нью-Йорк, 2002. 304 с.
18. Политология / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. М. : Перспектива, 2007. 252 с.
19. Политология / под ред. Д. В. Доленко, И. В. Бахлова, О. В. Бахловой. М. : Дело, 2002. 77 с.
20. Политология / под ред. М. А. Василика. М. : Дело, 2004. 138 с.
21. Политология : учеб. / под ред. А. Ю. Мельвиля. М. : Проспект, 2005. 624 с.
22. Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. М. : Аспект-Пресс, 2000. 480 с.
23. Резолюция Экономического и социального совета № 11 (II) от 21 июня 1946 г. // Гендерное равенство в современном мире. С. 13—17.
24. Рекомендации к «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин». URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 08.02.2010).
25. Рубин Г. Обмен женщинами // Антология гендерной теории / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 99—113.

26. Соловьев А. И. Политическая теория, политические технологии. М. : Аспект-Пресс, 2000. 576 с.
27. Тартаковская И. Н. Гендерная политика в Европейском регионе // Гендерное равенство в современном мире. С. 50—58.
28. Тёмкина А. А. Женское политическое движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем. СПб. : Алетей, 2003. С. 41—52.
29. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
30. Хирдман И. Женщины — от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия» — шведская модель // Северная Европа. М. : АСТ-Пресс, 1995.
31. Хубер Дж. Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. С. 77—99.
32. Чикалова И. Р. Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970—1990-е годы. Минск : Тесей, 2000. 254 с.
33. Шакирова С. М. Гендерные политики // История, теория, методология гендера / ГИАЦ. 2008. № 3. С. 68—88.
34. Шестопал Е. Б. Очерки политической психологии. Ростов н/Д : Феникс, 1990. 52 с.
35. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб. : Изд-во ЛГУ, 1992. 35 с.
36. Ярская-Смирнова Е. Р. Феминистская критика социальной политики // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М. : Информация — XXI век, 2002. 229—232.
37. Hollander E. P. Principles and Methods of Social Psychology. 3d ed. New York : Oxford University Press, 1976. 459 p.
38. Psychologie sociale / sous la direction de S. Moscovici, A. Colin. Paris : Cursus, 1984. 304 p.